

РАССКАЗЫ

ХРИСТОС-ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Шестидесятилетний вдовец Владимир Петрович Безденежных соответствовал своей фамилии. Денег у него в самом деле никогда не было. Не то чтобы их не было совсем, но уж точно не жировал. Почти всю свою жизнь он проработал на заводе токарем, а под старость лет увлекся любительским кино, да так увлекся, что поднаторел в этом деле, купил камеру, осветительные приборы, скрин-грин (специальную зеленую ткань для съемок), научился монтировать ролики. И даже открыл ИП, его стали приглашать снимать различные мероприятия, в том числе свадьбы. С завода Владимир Петрович ушел на вольные хлеба, начал как-то выживать за счет съемок.

Москва — город большой и веселый. Здесь всем есть дело, любая профессия может прокормить, особенно если ею хорошо владеешь.

У Владимира Петровича была небольшая двухкомнатная квартирка в Кузьминках на улице с романтическим названием Есенинский бульвар (из этой двушки он сделал телевизионную студию) и маленькая дачка на шести болотистых сотках в Ружском районе.

В свободное время Владимир Петрович, которого большинство знакомых звали Володя, снимал бессюжетное, поэтическое, как он говорил, кино.

Летом жил на даче, которую сам построил еще тридцать лет на участке, который получил от завода. С соседями Володя ладил, старался всем помогать и уж точно ни с кем не ссорился.

...Стоял зябкий неприятный ноябрь. Володя думал, как перезимовать, заказов становилось все меньше и меньше, а теплой одежды не было. У него оставались теплые, оставшиеся от мамы вещи, которая умерла шесть лет назад. На них Володя и рассчитывал.

— Ничего, что дубленка женская, главное, что теплая, в ней и буду ходить, — сам с собой говорил начинающий режиссер.

А потом на дачу приехала его соседка Валя, немолодая женщина шестидесяти пяти лет. Она тоже недавно овдовела и маму похоронила.

Володя и Валя разговорились, давно так тепло они не общались, хотя прожили на этих дачах, можно сказать, всю жизнь.

Володя рассказывал Вале о своей новой работе.

Евгений Степанов — поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатался в журналах «Нева», «Дружба народов», «Знамя», «Звезда», «Урал», «Наш современник», «Интерпоэзия», «Арион», «Юность», «День и ночь», «Волга», «Подъем», «Дон» и во многих других изданиях. Автор нескольких книг стихов и прозы. Главный редактор журнала поэзии «Дети Ра» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига и премии журнала «Нева». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

— Мне очень нравится. Заказов, конечно, немного. Два-три примерно в месяц. Я беру минимум — по десять-пятнадцать тысяч. Это за фильм о свадьбе под ключ. В среднем в месяц выходит тысяч сорок. Жить можно. Мне хватает. Коммуналку, проездной оплатить и на еду. Самое главное, я могу теперь снимать то, что я хочу. И как-то могу забыться. Когда снимаю, не думаю о смерти Наташи. Точнее так: меньше думаю.

— А почему именно кино? Почему ты стал снимать? — поддержала беседу Валентина.

— Ты знаешь, я думаю, что хорошего кино очень мало. Много сюжетных историй, рассказанных при помощи камеры. А разве это кино?. Кино — великое искусство, в котором соединены видеоряд, поэзия, музыка, актеры... Нет другого искусства, где бы так можно было выразить себя. Я уже в юности любил фильмы Тарковского, особенно «Зеркало», Параджанова, прежде всего «Цвет граната», «Жил певчий дрозд» Отара Иоселиани... Есть и сюжетные замечательные фильмы, полные поэзии: «Табор уходит в небо» Эмиля Лотяну, «Асса» Сергея Соловьева...

— А я больше люблю комедии. Особенно Гайдая...

— «Бриллиантовая рука» — величайший фильм, где каждый кадр как видеоклип. А ведь это фильм, снятый в 1969 году, более пятидесяти лет назад. Совершенно не устарел. И фильмы Чаплина, особенно грустно-смешные короткометражки, тоже не устарели.

В следующий раз Володя привез на дачу мамину дубленку и подарил ее Вале.

— А я уж как-нибудь в старой кожаной куртке похожу, надо ее только подлатать немного. Что отдал, то твое. Что взял, то чужое. Кажется, это слова Шота Руставели.

Володя разговаривал сам с собой и радовался, что сделал доброе дело.

Валя очень обрадовалась дубленке.

— Такая хорошая, — сказала она, — Спасибо большое. Точно мой размер. А у меня для тебя, Володя, алаверды...

Она зашла в дом и принесла оттуда почти новую мужскую дубленку, костюм и плащ.

— Я думаю, тебе подойдет.

— Вот это подарок, Валюша, — чуть не прослезился Володя. — А я как раз думал, в чем буду ходить зимой. Спасибо тебе огромное. Все люди едины. Это правда. Мы все — Христос-человечество.

— Да, мы все едины, — сказала Валя. И почему-то заплакала.

НЭНСИ

...Покалеченная голубоглазая собака, похожая на хаски и немного на волка, лежала в поселке городского типа Щербатово возле большой автомобильной дороги и умирала. Машины спокойно проезжали мимо, а пешеходы суетливо проходили, стараясь не смотреть на собаку: ну ведь это не моя, я-то здесь при чем, зачем делать лишние телодвижения?!. Помирает и пусть помирает.

Не прошла мимо только пенсионерка Надя, жительница близлежащего Шестого проезда... Она увидела собаку, поняла, что та искалечена и не может идти, осторожно и бережно взяла ее на руки и кое-как дотащила до своего небольшого одноэтажного домика. Собака не сопротивлялась, как-то сразу поняла, что к чему.

Пенсионерка Надя жила одна: два года назад у нее умер муж от инсульта, не дожив до шестидесяти пяти, а год назад от ковида и старости — девяностолетняя мама.

Дети разлетелись кто куда. Надя осталась с верным стареющим псом Тяпой, которому шел уже одиннадцатый год.

Надя (в прошлом ветеринар) обследовала покалеченную собаку и обнаружила, что она избита: следы побоев и кровоподтеки были на морде, на лапах...

Кто-то сильно и зловеще избивал эту волкообразную девицу лет трех-четырёх.

Надя отнесла собаку под навес, который был оборудован из бывшего гаража, и попробовала ее покормить. Та грустно и как-то обреченно положила длинную морду на лапы. Надя дала собаке овсянку с тушенкой, любимое блюдо Тяпы, но собака отказалась, точнее, поела немного и стала зализывать раны на лапах.

Весть о том, что Надя подобрала волчицу, быстро пробежала по улице. И мнения разделились... Некоторые односельчане стали журить Надю.

— Как ты ее прокормишь? — возмущался сосед Алексей, сорокапятилетний отец одиночка. — Я на своего пса трачу десять тысяч в месяц, а у тебя пенсия — тринадцать. Как ты прокормишь?!

— А еще она выть по ночам станет! — возмущалась соседка Ирина Бенедиктовна, беспокойная тетка лет семидесяти. — Надо ее сдать в собачий приют. Не нужны нам на улице волки.

Надю поддержала доброжелательная бездетная семейная пара — упитанный пятидесятилетний Игорь и худенькая миловидная тридцатилетняя Оля, которые пять лет назад переехали из Москвы в Щербатово, обменяв свою неказистую двушку в брежневской панельке в Выхино на полдома (из четырех комнат) и восемь сосновых соток в поселке.

Супруги полгода назад пережили ковид (Игорь — в тяжелой форме, лежал в больнице, Ольга — в умеренной), очень медленно восстанавливались, любое движение давалось с трудом, даже нагнуться на грядке или дойти до помойки и выбросить в контейнер мусор было проблемой, появились панические атаки и неприятная одышка. К тому же у Игоря после ковида диагностировали гипертонию первой степени, давление то внезапно поднималось, то резко снижалось. Мужчина не расставался с японским автоматическим тонометром, который показывал нерадостные результаты. Врач из платного медицинского центра прописал Игорю гору всевозможных таблеток, но он от них отказался, решил по извечному русскому обычаю, что на все воля Божья: будь что будет. Авось обойдется.

Жизнь продолжалась, Игорь, выпускник мехмата МГУ, потихоньку работал (он имел собственный небольшой айтишный бизнес), а Оля, экономист по образованию, занималась домашним хозяйством: ходила в магазины, готовила, ухаживала за кошками (их было у супругов две: Маркиза и Кнопа), полола сорняки в огороде и теплице; дел всем хватало.

Игорь и Оля поженились шесть лет назад, два года назад потеряли ребенка (выкидыш произошел на втором месяце беременности). А тут еще ковид... Все это, конечно, отразилось на их душевном состоянии — горьком и подавленном.

«А душа, уж это точно, ежели обожжена, справедливей, милосерднее и праведней она»... Это метко заметил Булат Окуджава.

Игорь и Оля, еще толком не восстановившиеся после болезни, бросились Наде и собаке на помощь. Или на помощь — самим себе. Первым делом Игорь и Оля купили несколько пакетов сухого корма в «Дикси», собака с радостью начала есть. Супруги пообещали Наде, что помогут ей во всем, и попросили не отдавать собаку в приют...

— Не надо ее никому отдавать, если бы не наши кошки, мы бы ее взяли уже сейчас к себе, но мы сделаем вольер, разделим участок на две части (кошачью и собачью) и тогда заберем... — сказал Игорь.

— А когда? — уточнила добрая, но конкретная Надя.

— Через месяц. Сейчас особых денег нет, а через месяц я должен заключить хороший контракт на создание сайта довольно серьезной корпорации и тогда построю вольер, приглашу рабочих.

— Хорошо, — ответила Надя. — Месяц не год. Подождем.

Собака стала обживаться на новом месте. Надя готовила теперь на двоих: и на Тяпу, и на Нэнси (так по предложению Ольги стали называть волчицу). Рацион был разнообразный: овсянка с тушенкой, недорогая рыба путассу, говяжьи кости, гречка с консервами...

Особенно Нэнси полюбила кильку в томатном соусе. Но и от сухого корма тоже не отказывалась.

Тяпа воспринял духом и телом, пытался даже приспособиться к Нэнси как герой-любовник, но она его как-то всерьез не воспринимала.

Игорь и Ольга каждый день приносили продукты Наде и гуляли утром и вечером с собакой по окрестным улицам Щербатова.

Месяц пролетел быстро. Игорь заключил контракт, получил аванс и пригласил знакомых мастеров. Они за два дня отделили часть участка, прилегающую к забору, зеленой сеткой ЗД, и получился хороший уютный вольер на шестьдесят квадратных метров, а еще Игорь купил просторную односкатную собачью будку. На круг ушло восемьдесят пять тысяч рублей.

Игорь с Олей пришли к Наде и торжественно сообщили, что готовы забрать Нэнси.

Поначалу вольер Нэнси понравился, она стала изучать будку, легла рядом с ней, но все шло хорошо, пока рядом была Надя. Стоило ей уйти, как собака по-волчьи завывала и стала пытаться перепрыгнуть через вольер. Игорь не отходил от собаки, разговаривал с ней, гладил по волчьему мощному загривку, давал косточки, но собака не могла успокоиться... Потом все-таки прилегла у будки, грустно положив морду на мощные лапы.

Игорь пошел в дом на несколько минут, перекусить. Когда вернулся, собаки не обнаружил, а ворота были зверски раскурочены, две нижние доски Нэнси с мясом вырвала из ворот...

Ольга побежала на улицу и увидела Нэнси, которая стояла у Надиной калитки, пытаясь носом открыть дверь. В зубах у собаки была косточка — для любимого Тяпы, наверное. Ольга взяла Нэнси за ошейник и привела назад. Игорь быстренько починил ворота и заложил их тяжеленными пеноблоками и кирпичами, которые остались от стройки. Собака опять по-волчьи выла и пыталась перепрыгнуть через вольер.

Она подбежала к пеноблокам, и не успели супруги глазом моргнуть, расшвыряла пеноблоки и кирпичи, как мелкие морские камешки.

Все стало понятно. Собака полюбила Надю, которая спасла ей жизнь, и Тяпу, который стал ее галантным кавалером.

— Ладно, — сказал Игорь, — вместе жить не получилось, значит, будем дружить. Мы все равно будем помогать Наде, давать деньги и продукты, и, может быть, Нэнси к нам еще привыкнет. Она волчица. Но особенная. Волчица, любящая людей. Особенно тех, кто любит ее.

— Я с тобой согласна, будем помогать, — поддержала мужа Ольга.

Надя тоже не возражала.

Каждое утро, перед работой, Игорь неспешным шагом гулял с собакой... Маршруты день ото дня становились все длиннее и длиннее: сначала Игорь с Нэнси шли до помойки и обратно, потом стали ходить по близлежащему красивому и ухоженному Садовому переулку, потом по широченной центральной Первомайской улице, где

когда-то жил один из руководителей ЦК КПСС Михаил Андреевич Суслов... Во всем поселке было множество добротных новых домов. Раньше Игорь на это не обращал внимания, да и гулял очень редко, все время торчал за компьютером, с утра до ночи зарабатывая на хлеб насущный.

После прогулки давление снижалось, вообще, физические нагрузки шли на пользу здоровью, Игорь чувствовал, что к нему постепенно, день за днем, час за часом, возвращаются силы, уменьшается одышка. И собака смотрела на мир как-то веселее.

Начали думать, как приручить Нэнси, как обеспечить ей спокойный переезд в новый дом, к Игорю и Ольге... Надя часто стала приходиться с Нэнси к супругам, сидели все вместе в вольере, поставили там круглый пластмассовый стол и деревянные скамейки, пили чай с пряниками и бутербродами. При Наде Нэнси вела себя идеально, лежала рядом с будкой, ела из одной миски, пила из другой... У собаки стали проявляться необычные особенности: перед едой она мыла передние лапы в большой миске с водой, помоев лапы и только потом ест. Всех это приводило в неописуемый восторг и удивление: как же так, кто ее научил? Вообще, собака оказалась смышленной и легкообучаемой. Через три дня поняла все правила общежития. Поначалу-то она стала гонять Надиных котов, и Парамон, серый хвостатый разбойник лет пяти, даже дал ей отпор, врезав лапой по морде, а вот Барсик, маленький рыжий котик, испугался, пошел скитаться и нашел приют у соседей — школьного учителя Юрия Юрьевича и его пожилой мамы, которую все звали Лида. Потом Надя стала ругаться на Нэнси, постоянно и строго ее отчитывая:

— Нельзя, Нэнси, своих котов обижать, нельзя, это свои! Нельзя! А то по морде получишь. И от котов, и от меня!

Нэнси поджимала уши, отворачивала опасливо морду и давала понять, что она готова в жизни на компромиссы.

Вскоре все жили дружно под крылом у доброй и гостеприимной Нади, а Парамон, обнаглевший от безнаказанности и мощной «крыши» в лице хозяйки, даже иногда «покушался» на собачьи миски. Короче, жизнь людей и жизнь животных во многом похожи.

Игорь и Оля каждый день гуляли с Нэнси. Больше всего им нравилось ходить, особенно летом, на озеро, которое находилось совсем рядом — пешком минут десять-пятнадцать. Озеро называлось Медвежье. Почему так назвали — никто толком не знал, медведей в Подмоскowie давным-давно истребили, но вот название осталось. Может быть, в честь реки Межи, которая втекала в озеро и вытекала из него?

Собака купаться не любила, а Игорь и Ольга купались с удовольствием — по очереди. То Игорь держал Нэнси на поводке, то Ольга. Иногда привязывали собаку к дереву и тогда купались вместе.

Озеро давало дополнительные силы, особенно после работы, точно смывало с мужчины и женщины грешную суету и усталость. Сверху вода была теплая, а внизу холодная — там били подземные природные ключи, получался естественный своеобразный душ Шарко. Супруги плавали, улыбались друг другу, смотрели на собаку и понимали, что и в Подмоскowie можно замечательно отдыхать, а не только на роскошных морских курортах. Озеро было огромным и живописным... Березы и плакучие ивы склонялись к прозрачной воде, по водной Берендеевой глади скользили веселые байдарочки, неспешные упитанные пляжники играли в волейбол на белом привозном песочке... Все было сделано для людей.

Нэнси смотрела на воду настороженно и даже не пила из озера, все попытки прыжков приобщить собаку к плаванию не увенчались успехом.

Она постепенно преображалась; распушилась, волчий густой мех стал играть на солнце, увеличился подшерсток, и хвост, который ранее чуть ли не волочился трус-

ливо по земле, как показывали в советских рисованных мультфильмах, стал жизнерадостно закругляться в колечко, а это явный признак хорошего настроения. Изменился даже цвет морды — с невзрачного и пыльного серого на белый.

Когда супруги шли домой, Игорь всегда удивлялся:

— Ну откуда у людей деньги на такие роскошные особняки? Это ведь не у кого-то одного, а практически у всех... У нас, наверное, самая маленькая избушка во всем поселке.

— А зачем нам больше? — отвечала Оля. — Главное, что живем на своей земле и все удобства есть. И туалет, и ванна. И Москва рядом. Человеку на самом деле не так много нужно.

— Я согласен. Меня наш дом тоже устраивает. Меня удивляет другое... Ведь это значит, люди с м о г л и, построились, не все же это директора рынков, бандиты и чиновники... Обычные люди. Но откуда деньжищи? Откуда у в с е х такие особняки?

— Кому-то по наследству достались, кто-то купил, есть, конечно, в нашем районе и бандиты, но в основном нормальные люди, труженики.

— Слава богу, пусть всем повезет... А нам нужно что-то думать о собаке. Подозреваю, что Нэнси к нам на ПМЖ не пойдет. Надя ее выходила, а собаки, тем более волки, добро помнят, никуда Нэнси от нее не уйдет.

— Может быть, нам своего щеночка завести? Восточноевропейскую овчарку, например? Щенок быстрее привыкнет, и с кошками поладит, и дом будет защищать. Хаски как охранники — ни о чем. Они человека вообще укусить не могут. Если дом будут грабить — хаски поможет вынести вещи.

— Хорошо, давай возьмем щеночка овчарки, думаю, это правильное решение.

...Наступил сентябрь, супруги (попросив маму Оли, Татьяну Николаевну, молодую пенсионерку, бывшую учительницу истории, пожить в доме и приглядеть за котами) уехали в недельный отпуск на море, забронировав номер в трехзвездочном отеле «Приветливый берег», на Первой линии в Геленджике.

Несмотря на то, что обстановка в стране и мире была нерадостная, шла специальная военная операция на Украине, гибли люди, в том числе мирные, и воздух был пропитан болью и тревогой, Геленджик умиротворял. Этот чудесный город красив и притягателен в любое время года, даже в драматическое, а осенью, в сентябре, в бархатный сезон, — особенно. Уже не слишком жарко, но еще тепло, можно купаться, температура воды примерно двадцать четыре градуса. Море спокойное и манящее.

В магазинах изобилие недорогих фруктов; виноград, например, Игорь покупал в прибрежной лавочке по сто рублей за килограмм.

Когда-то (еще тридцать лет назад) Геленджик был заштатным скромным городишком, фактически поселком, а сейчас — фешенебельный курорт на уровне Лазурного берега Франции. Роскошные отели и виллы, рестораны и яхты, бесконечная набережная (самая большая в Европе, протяженность четырнадцать километров) и неутомимые уличные музыканты... Конечно, еще осталось немного невзрачных хрущевок в центре, но не они теперь символизируют город. И всегда здесь были великолепная природа, прекрасный климат. Сухие (не влажные, как в Сочи) субтропики. Горы, смотрящие на море. Море, смотрящее на горы. Такое ощущение, что ты на другой планете, в мире, где нет боли и страдания. Это иллюзия, конечно. Но — очень приятная.

...Цены в прибрежных ресторанах кусались: пицца — пятьсот рублей, кусок рыбы — четыреста. Правда, в «Столовой» (это разветвленная сеть недорогих закусочных) можно было поесть значительно дешевле. Там сто граммов шашлыка, например, продавали по девяносто рублей, рассольник по сотне.

Впрочем, в дополнительном общепите Игорь и Ольга не особенно нуждались. В гостинице «Приветливый берег» были созданы все условия для души и тела небедного

человека. Пятиразовое питание, номер с видом на море, пинг-понг, библиотека; горничная каждый день меняла белье и приносила подарки в виде сухого кубанского вина и фруктов... И все это за шесть тысяч в день на двоих. Понятное дело, что для многих это большие деньги, но для москвича, имеющего свой довольно-таки успешный бизнес, цена приемлемая.

...Геленджик Игорь помнил с детства, он ездил сюда еще в пионерский лагерь, от того городка остались разве что старые пирсы, с которых он нырял мальчишкой, хрущевки в центре да несколько сохранившихся старых частных домишек. Все остальное было отстроено заново.

Цены на жилье здесь превысили цены на приморскую недвижимость в Болгарии раз в пять и даже стали немного выше московских. Одношку в тридцать квадратов в ЖК продавали в сентябре 2022 года за двенадцать миллионов, а двушку в панельной убогой хрущевке (почему-то их еще не снесли!) общей площадью сорок пять метров — за шесть с половиной.

И цены росли чуть ли не каждый день.

Супруги и не думали здесь ничего покупать, слишком дорого, да и нет необходимости, но лишний раз убеждались, что отдохнуть теперь можно хорошо и в России.

Они приходили на завтрак в девять утра, шведский стол представал во всем своем невероятном буржуйском изобилии: йогурты, сыры, колбасы, ветчина, яичница, омлет, соки, лимонады, каши, всевозможная выпечка и т. д. На обед давали рыбу и мясо, супы на любой вкус, салаты, пельмени, печенку, фрукты, вино, шампанское, мороженое, все в каком-то невообразимом количестве. А еще были полдник, ужин, дополнительный вечерний ужин, когда угощали кефиром.

Супруги наслаждались жизнью, купались в море и бассейне, ездили кататься на лошадях в высокогорную деревню Прасковеевку, основанную греками, и в музей писателя В. Г. Короленко.

Игорь решал рабочие вопросы через компьютер и по телефону, который никогда не отключал.

Ольга восхищалась комфортом в отеле, особенно ее радовал горячий душ, дома в Подмоскovie водоснабжение у них оставляло желать лучшего: напор был то очень слабый, то очень сильный. И никакие мастера не могли исправить эту неполадку.

Огромная кровать, белоснежные простыни пробуждали в супругах новые эмоции и сильную страсть, которая с годами не пропала.

Плотские отношения становились особенными и одухотворенными. Супруги опять мечтали о ребенке. И неустанно старались воплотить свою мечту в явь.

Здоровье здесь, на юге, возвращалось в норму. Вечерами — допоздна — они гуляли по набережной и разговаривали на всевозможные темы.

- В чем смысл жизни, как ты думаешь? — однажды спросила Ольга.
- Вернуться туда, откуда пришел, — уверенно и быстро ответил Игорь.
- В рай?
- Возможно.
- Но мы же с тобой грешные люди... Какой уж для нас рай?
- Будем уповать на милость Божью.
- А для тебя Бог это кто?
- Если я скажу, ты засмеешься.
- Скажи!
- Бог — это ты.
- Не поняла.
- Мы все — Бог.

— Кажется, я начинаю понимать. Один поэт однажды написал стихотворение «Христос-человечество». Я где-то читала.

— Ну вот, он все правильно написал. Мы все — единое целое, объединенное и спасенное Христом.

— Но ведь в каждом из нас есть зло.

— У нас есть свобода выбора, возможность изживать в себе зло. Это главная свобода, которую мы получили от Него. Наша с тобой свобода — идти вверх, а не вниз, любить друг друга, собак, кошек, людей, Нэнси, Тяпу, Надю, родных и близких... Но прежде всего друг друга. Да, мы все — единый организм. Мы все — Бог.

— А ты раньше, в советское время, был членом коммунистической партии? Верил в коммунизм?

— Нет, членом партии я не был. Но до сих пор вспоминаю постулаты марксизма-ленинизма. Некоторые из них были очень толковые. Например, бытие определяет сознание. Да, действительно, определяет. Строй изменился — и человек изменился. Все изменилось. За тридцать лет капитализма россияне, частные предприниматели, отстроили страну, отстроили, в частности, этот город, сделали роскошный курорт, а у нас в гостинице вообще какой-то коммунизм. За шесть тысяч в день (за три тысячи с человека) тебе дают все, что ты хочешь. От каждого по способности — каждому по потребности. Это ведь и есть основной принцип коммунизма. Но построили этот коммунизм не большевики, а именно капиталисты... Как странно! Вообще, все странно... Люди, которые раньше, в брежневскую эпоху, жили весьма расслабленно, стали работать в новых условиях, как сумасшедшие. На себя. И очень многого добились.

— Капитализм, конечно, имеет выигрышные стороны. Он заставляет человека все время что-то делать, производить продукцию, искать рынки сбыта, вынимает из человека все возможности на двести пятьдесят процентов... Это, с одной стороны, хорошо, а с другой — полностью выматывает человека, приводит к бесконечному поиску новых сверхприбылей. Отсюда — войны, другие бедствия... Разве не так?

— Да, так. Я прекрасно помню так называемую застойную эпоху. Поздний социализм в Москве давал возможность вольготно пожить человеку. Государство его защищало. А сейчас не защищает. Сейчас упадешь с ветки — тебя сожрут. И матерые капиталисты не могут умерить свои аппетиты. Все время гонятся, как ты говоришь, за сверхприбылью. Вот и возникают катаклизмы различные. Я с тобой согласен. Идеально-го строя нет. И рая на земле нет. Социализм не в полной мере использовал возможности человека, а нынешний российский капитализм использует их чрезмерно. Нужно что-то среднее.

— Да, верно, — сказала Ольга. — Жаль, что я не жила при советской власти. Но я понимаю тебя. Ты из поколения моих родителей. Я с мамой часто на эти темы беседую. И с тобой мне всегда интересно разговаривать.

— А мне с тобой.

— Спасибо, любимый! А вообще, я думаю, что главное — это не политический строй, а любовь. Любовь жива в любую эпоху.

— А что такое любовь?

— Любовь — это когда альтернатива невозможна.

— То есть?

— Когда можешь жить только с одним конкретным человеком, а не с кем-то еще. Я могу жить только с тобой.

— Спасибо, родная!

— Это тебе спасибо.

Они обнялись, взялись за руки и пошли в отель.

...Через день, примерно в пять утра, раздался неожиданный телефонный звонок. Игорь по определителю увидел, что звонит Надя, испугался: может, что-то случилось? Так рано Надя не звонила никогда. Он взял трубку и услышал непонятное сопение, а потом в трубку залаяли и завыли...

Игорь подумал, что Надя его разыгрывает и подставила трубку к пасти собаки... Через несколько секунд связь оборвалась. Игорь перезвонил Наде.

Та начала взволнованно и сбивчиво рассказывать:

— Нэнси украла у меня со стола мобильник, отнесла к себе на лежанку, под навес, открыла лапой чехол и начала долбить по кнопкам. Значит, она до тебя дозвонилась?

— Да, — сказал Игорь. — Если честно, собаки мне раньше не звонили.

— Ну вот, теперь это произошло, — улыбнулась Надя, — Нэнси соскучилась и ждет вас с Олей домой. И Тяпа ждет. И я жду. Будем опять чаевничать.

Игорь тоже улыбнулся.

— Здорово, — сказал он, — скоро мы вернемся. Примерно через два-три дня. Всю жизнь будем помогать и Нэнси, и Тяпе, и тебе. Кажется, Нэнси успела нас полюбить. А то, что живет не у нас, так это не самое главное. Никакие другие собаки нам с Олей не нужны. И сил у нас теперь больше. И давление у меня, судя по всему, приходит в норму.

ПРОСТЫЕ ЛЮДИ

Мама умерла от рака желудка шесть лет назад, не дожив одного дня до восьмидесятилетия.

Три года назад умер племянник Витька. Оторвался тромб. Ему было тридцать семь лет.

А потом, год и восемь месяцев назад, умерла от ковида Наташа, моя прекрасная жена, с которой мы были единым целым на протяжении сорока лет. Наташа не дождала полгода до шестидесяти.

Мы сидели за одной партой с первого курса института, вырастили дочь, нянчили внуков, объездили множество городов и стран, издавали вместе книги и журналы, сажали деревья и кустики на даче.

— Мы и в прошлой жизни были вместе, — сказала мне однажды, много лет назад, Наташа.

Это правда.

Я, как боксер, оказался в состоянии грогги после ухода жены. Не знал, как жить дальше.

То, что я тяжело заболел ковидом и попал в больницу имени Евдокимова с поражением легких, мне пошло даже на пользу. Я начал бороться за жизнь. Теперь мысли концентрировались вокруг главной идеи — победить страшную болезнь.

Через две недели меня выписали, и я опять вернулся на дачу, где жил уже многие годы. Начал постепенно восстанавливаться, хотя это было непросто. Ватные руки и ноги отказывались меня слушаться.

На работу я стал ездить значительно реже. Мои сотрудники в книжном издательстве, которым я руковожу уже более двадцати лет, вполне справлялись без меня. Производительность труда, как это ни грустно признать, без меня нисколько не снизилась.

А я устал. Если физически я чувствовал себя лучше, то внутренне выгорел, душевных сил оставалось очень мало. Я постоянно думал о Наташе, просыпался в холодном поту, вздрагивал, какие-то произвольные глухие стоны нередко вырывались из груди, нервный тик становился все сильнее и сильнее.

Стимулов в жизни оставалось немного.

Бизнес не вдохновлял.

За двадцать лет своей кипучей издательской деятельности я выпустил более тысячи наименований книг, множество журналов и газет, сделал сотни сайтов.

Сложные и противоречивые писательские характеры мне стали хорошо известны, не буду сейчас о них говорить — не о том речь.

Я не покидал дачи.

Я смотрел на небо, на вековые корабельные сосны, на прилетающих на кормушку жизнерадостных синиц, вьющийся вдоль дома вполне съедобный виноград «Изабелла» и вовсе не скучал по обманным огням большого города.

Родная земля медленно, но очень настойчиво возвращала меня к жизни.

А работа, как ни странно, продолжалась. Оказалось, что вполне возможно руководить по телефону. А можно и вовсе не руководить. Дело было отлажено. Больших денег оно не приносило, но на еду мал-мала хватало. На мой взгляд, это уже хороший результат для некоммерческого издательства.

Я жил довольно замкнуто, с соседями общался постольку-поскольку. Здравствуй-те, до свидания... У всех своя жизнь, свои проблемы, навязываться я не привык.

Чаще всего я общался с одной немолодой и разговорчивой женщиной, всегда скромно, но опрятно и со вкусом одетой и доброжелательной. Звали ее Вера Ивановна. У нее была замечательная собака породы «двортерьер» — Дульсинея, которую все в округе звали Дуся или Дуська. Я эту Дульсинею тайком подкармливал, всегда ей подкидывал через забор говяжьи косточки, которые специально покупал в магазине.

Однажды меня разоблачили.

Я кинул через забор кость Дульсинею, а Вера Ивановна это увидела.

И, добродушно посмотрев мне в глаза, сказала:

— Так вот кто кидает кости Дульсинею. А я и не догадывалась.

— Я только хорошие кости ей даю, — начал я оправдываться. — Только говяжьи. Куриные, знаю, собакам нельзя.

— Я вам очень благодарна, — ответила Вера Ивановна. — Если хотите пообщаться с Дусей, заходите в гости. Вот мой телефон. Звоните, когда будет желание.

Я позвонил на следующий день. Вера Ивановна пригласила меня в гости. Мы разговаривали во дворе на отвлеченные темы, я играл с собакой, принес ей много косточек и три банки жидкого корма.

Дульсинея была очень рада.

Вера Ивановна пригласила меня на открытую веранду. Мы продолжили беседу.

Оказалось, что она проработала многие годы, почти сорок лет, диспетчером в аэропорту Быково, жила она одна, муж у нее умер пять лет назад, сын женился и уехал к жене в город Жуковский.

Я чувствовал себя очень комфортно с этой простой немолодой женщиной, честно проработавшей до пенсии, не скопившей никаких денег, домик у нее был, наверное, самый скромный на нашей улице.

Вере Ивановне постоянно кто-то звонил, в том числе, как ни странно, по вотцап, которым я, например, пользоваться не умею, приходили соседи, кто-то занимал сто рублей, кто-то двести. Вера Ивановна никому не отказывала. Иногда через забор кричали буйные соседи-алкоголики:

— Тетя Вера, совсем плохо. Сделай супчику!..

И Вера Ивановна готовила бедолагам супчик, чаще всего куриный.

— Ну как им откажешь, я ведь Кольку знаю с малых лет, еще его бабушку помню, Беллу Абрамовну, она работала в Малаховке директором ювелирторга, состоятель-

ная женщина, по советским временам, была, еврейка, а внучок пошел совсем другим путем. Не работает. Пьет. Друзья-собутыльники у него вечно в доме торчат. Но я им все равно, чем могу, помогаю. В церковь я не хожу, но в Бога верю, стараюсь помогать тем, кто просит.

В октябре Вера Ивановна пригласила меня на свой день рождения, приехали ее седой сын, мастер по ремонту автомобилей, с неработающей миловидной женой, двадцатилетний внук, недавно отслуживший в армии, я принес хорошее грузинское вино «Хванчкара» и торт «Птичье молоко». Мы общались, и я понимал, что мне хорошо с этими простыми людьми, которые не пишут стихов, не кричат о своих огромных дарованиях и литературных наградах. Мои новые знакомые не были похожи на тех людей, с которыми я прожил жизнь.

Вера Ивановна стала спрашивать меня о семье.

Я рассказал о маме, о Наташе, деде, который был при Хрущеве большим начальником, заместителем председателя Совнархоза в одной из областей, отце, заслуженном экономисте РФ.

Потом родня Веры Ивановны ушла, а я остался.

Она решила показать мне семейные фотографии и принесла большой кожаный альбом из спальни. Стала листать страницы альбома и рассказывать.

Я увидел невероятно красивые лица русской аристократии.

— Это мой прадед Викентий Викторович, — рассказывала Вера Ивановна, — он был действительным статским советником второго класса, много лет работал под началом генерал-губернатора Москвы, а это бабушка Жанна Георгиевна, она из грузинского рода Багратиони, это тетя Лида, она была в эмиграции в Харбине и Париже... Мама перед смертью передала мне этот альбом, при жизни никогда не показывала, всегда говорила, что мы самые простые люди, из рабочих и крестьян, свое реальное происхождение скрывала, о дедах и прадедах я все узнала только недавно. Я думаю, она все правильно делала. Зачем привлекать к себе лишнее внимание?! Да я никогда и не чувствовала в себе голубой крови... Все люди равны перед Богом.

Я слушал Веру Ивановну, и что-то менялось в моем сознании. Я начинал по-новому смотреть на этот мир.